

Место под строительство клиники наконец утвердили, все необходимые документы оформили, а на стройплощадке закипела работа. Одновременно с этим объявили о наборе персонала, и Ван Сюань официально уволился из больницы, где работал прежде.

Младших медицинских работников можно было набрать по обычным объявлениям, а вот ведущих специалистов и редкие кадры приходилось переманивать высокими окладами. К счастью, Ван Сюань, будучи блестящим выпускником медицинского института, сохранил отличные связи в профессиональной среде. Он планировал открыть не просто заурядный медицинский центр, а высококласную частную клинику.

Для этого требовалось разработать строгий внутренний регламент: баснословные цены должны были компенсироваться безупречным сервисом и абсолютной конфиденциальностью, исключающей любую возможность утечки истории болезни.

В этом Ван Сюань и Ло Цзухуэй были полностью единодушны. Если уж браться за дело, то создавать нечто действительно исключительное — оба верили в огромный потенциал отечественного рынка и растущую покупательную способность населения. Ниша элитной медицины в стране пустовала, хотя богачи и знаменитости остро нуждались в безопасности и приватности, которых не могли получить в обычных учреждениях.

Мелких частных кабинетов хватало, но люди по привычке шли в крупные государственные больницы. Дело было в банальном чувстве защищенности: там работали опытные врачи, а статус госучреждения дарил уверенность. Хотя на деле государственные клиники давно работали как автономные структуры, и все возникающие проблемы оставались сугубо делом врача и пациента.

Ради этого Ван Сюань решил съездить за границу — лично посмотреть, как устроены и работают первоклассные зарубежные клиники. Ло Цзухуэй, коренной англичанин, вызвался сопровождать его в качестве принимающей стороны. В конце концов, они основывали совместное дело, вкладывали туда реальные, заработанные тяжким трудом деньги, а потому их взгляды должны были полностью совпадать.

Гоудань, услышав об этой поездке, едва не взорвался от досады.

— Пусть этот англичанин сам пришлет отчет или отправит своих людей! — ворчал он. — Разве те специалисты, которых ты только что нанял, не справятся?

— Многие вещи нужно прочувствовать самому, — мягко возразил Ван Сюань. — Я ведь тоже врач и должен понимать, в чем наше отставание. Брат Гоудань, я хочу построить лучшую и самую крупную частную клинику в стране!

Видя такую решимость, Гоудань не стал спорить, хоть и продолжал сокрушаться, что не может

поехать вместе с ним. Но у него самого дел было невпроворот, так что о поездке не могло быть и речи.

Они еще никогда не расставались так надолго и не уезжали так далеко друг от друга. Обычно разлука длилась максимум месяц-два, а теперь Ван Сюаню предстояло провести за границей как минимум несколько месяцев. Гоудань ходил мрачнее тучи.

Ему оставалось лишь организовать для любимого лучшие условия, чтобы поездка прошла гладко и без сучка без задоринки.

Ван Сюаню пришлось уступить настойчивости партнера. Гоудань выделил ему сопровождающих: двоих ветеранов спецназа со знанием базового английского, повара (поскольку до Гоуданя дошли слухи, что британская кухня — редкостная гадость) и личного помощника для решения бытовых мелочей.

Услуги такой свиты в заграничной поездке стоили баснословных денег, но Гоудань не скупился. Про таких, как они, говорят: денег куры не клюют, хотя порой их и не хватает на всё сразу. Профессиональных телохранителей-ветеранов обычный богач нанять бы не смог — их нашли через связи Чэн Шу, который лично поручился за надежность парней.

Это была личная инициатива Гоуданя ради безопасности Ван Сюаня. Тот поначалу наотрез отказывался от охраны, поэтому пришлось ограничиться малым. Вместе с ними летели еще несколько врачей и администраторов, будущих сотрудников клиники, так что группа получилась вполне солидной.

— Братя, прошу вас, присмотрите за ним, — перед отъездом Гоудань лично напутствовал телохранителей. — Ван Сюань порой слишком мягкосердечен. Я верю в ваш профессионализм, но в чужой стране один в поле не воин. Если он решит проявить неуместную жалость и ввязаться в неприятности, уводите его без лишних церемоний. Ни на шаг от него не отходите. Безопасность вашей группы — превыше всего.

Стоявший рядом Ван Сюань возмущенно завозмущался:

— Брат Гоудань, я же не дурак! К тому же это заграница, неужели я стану лезть на рожон со своим сочувствием? Да я и дома-то не раздаю добро направо и налево! Я прекрасно умею о себе позаботиться, а ты выступаешь меня каким-то несмысленным.

— Вот и помни об этом, — отрезал Гоудань. Он нарочно говорил это при нем, чтобы подчеркнуть серьезность своих слов и заставить Ван Сюаня быть осмотрительнее.

Ло Цзухуэй поспешил вмешаться:

— Господин Ли, не беспокойтесь, я буду рядом. Это моя территория. Пусть моя семья и не

принадлежит к высшей знати, но защитить друга мы в состоянии.

— Тогда полагаюсь на вас, господин Ло. По возвращении я устрою для вас такой пир, что в вас мгновенно проснется гордость за великую китайскую кухню!

— Ловлю на слове! — у Ло Цзухуэя загорелись глаза. За время пребывания в Китае он, как ни сдерживался, набрал пару килограммов — уж больно вкусной здесь оказалась еда.

Проводив взглядом уходящую в зал ожидания группу, Ван Сюань остался наедине со своими мыслями. Багаж был сдан, оставшиеся вещи несли помощник и телохранители, и теперь, когда суэта улеглась, на него накатила тоска. Расставаться было невыносимо тяжело обоим, но лететь было необходимо.

По правде говоря, если бы не привязанность к Гоуданю, он давно уехал бы учиться за рубеж. Наша медицина все еще отставала от западной, и Ван Сюань это понимал. Поездка была не просто экскурсией — он хотел перенять опыт, наладить контакты и присмотреть талантливых врачей, которых можно переманить к себе. К тому же нужно было договориться о поставках передового медицинского оборудования, и тут связи Ло Цзухуэя пришлись как нельзя кстати.

Лучшие специалисты и заслуженные профессора в стране держались за свои места в государственных клиниках. Никто из них не горел желанием уходить в неизвестность ради частного стартапа. Мешал консерватизм: считалось, что служение обществу возможно лишь в госучреждении, а работа на частника — это нечто недостойное врача.

Ван Сюань мерил шагами зал. Сопровождающие его сотрудники, многие из которых летели на самолете и покидали страну впервые в жизни, с восторгом прильнули к панорамным окнам, разглядывая стоящие на взлетной полосе лайнеры.

Ван Сюань то доставал телефон из кармана, то убирал обратно. Он никак не решался набрать знакомый номер, боясь, что стоит услышать родной голос, и он бросит всё и никуда не полетит. Тоска по дому сжала сердце еще утром, стоило сесть в машину, и теперь он уже вовсе жалел о своем решении. Ноги еще не оторвались от родной земли, а он уже безумно скучал по Гоуданю.

"Я ведь так сильно привык полагаться на брата Гоуданя"

Но стоило ему заставить себя спрятать мобильный, как аппарат в руке залился оглушительной трелью. Ван Сюань от неожиданности чуть не выронил его. Мелодию он узнал сразу же.

Сделав глубокий вдох и постаравшись унять дрожь в голосе, он нажал на кнопку приема.

— Алло? Брат Гоудань? Да, я слушаю...

— Так и сидишь с трубкой в руках? — негромко, с теплой усмешкой спросил Гоудань. — Если передумал, еще не поздно повернуть назад. Посадка не началась, черт с ними, с деньгами за билеты. Скажи только слово, я сразу приеду и заберу тебя.

— Не нужно, — поспешно возразил Ван Сюань. — Я должен лететь.

— Ну хорошо. — Гоудань махнул рукой мастеру Гао, чтобы тот подгонял машину к выходу. — Лети. А я при первой возможности постараюсь навестить тебя.

— Хорошо. До встречи. — Ван Сюань быстро нажал отбой. Он боялся, что если разговор затянется, у него просто не хватит духу уйти. Нужно было оставаться сильным.

Глядя на погасший экран, Гоудань вздохнул и убрал телефон. Ладно, Ван Сюаню нужно двигаться вперед. Он и так слишком часто уступал и жертвовал своими интересами ради их отношений. Такой блестящий врач заслуживал того, чтобы построить собственную империю и проявить весь свой талант.

В столице заметно похолодало. Твердо вознамерившись взяться за перевоспитание младшего сына, Ли Сы и госпожа Яо были вынуждены обосноваться здесь, возвращаясь в деревню лишь раз в два-три месяца. Во-первых, нужно было убрать урожай и сдать землю в аренду, а также раздать или пустить на копчености домашнюю птицу, да и сам дом прибрать, чтобы не ветшал без хозяев. Во-вторых, следовало поддерживать отношения со старожилками и соседями, чтобы не прослыть гордецами, забывшими родные места.

Закончив с делами, они наняли транспортную компанию, которая доставила в столицу их пожитки и собак.

Дагуай и Сяогуай давно миновали пору расцвета, но дряхлыми не выглядели — в деревне они до последнего лихо гоняли крыс и зайцев. При виде Гоуданя крепкие, поджарые псы взмыли в воздух от восторга и всей тушей повалились на него. Они преданно скулили, их хвосты вращались как лопасти вертолета, а слюнявые языки так и норовили пройтись по его лицу. Гоудань безуспешно пытался отбиться от этой лавины собачьей нежности.

Почти всех щенков из прошлых пометов раздали соседям, себе оставили лишь четверых. Теперь у них на попечении было шесть хвостов. Администрация элитного поселка поначалу устроила скандал, заявляя, что держать собак запрещено, но Гоудань быстро уладил дело: предоставил все справки о прививках, заверил, что его псы мухи не обидят, и согласовал установку кованого забора на каменном фундаменте вокруг всей территории виллы.

Пришлось изрядно потратиться на оформление официальных лицензий, зато теперь питомцы жили с ними на законных основаниях.

В те годы к правилам содержания животных мало кто относился серьезно, хотя первые законы о регистрации и вакцинации уже вышли. Жильцы соседних коттеджей заводили декоративных собачек и гуляли с ними как бог на душу положит. Больше всего Гоуданя раздражало то, что хозяева ленились убирать за своими питомцами, позволяя им гадить прямо на ухоженные газоны общего пользования.

На их участке места хватало, так что псы разгуливали без всяких привязей. Гоудань даже нанял мастеров, чтобы те построили просторные будки, и пригласил кинолога, который быстро приучил животных справлять нужду в строго отведенном месте. Обо всех этих домашних новостях он подробно писал Ван Сюаню, заставляя того тосковать по родному гнезду еще сильнее.

Из гостиной доносились неровные, запинаящиеся звуки фортепиано — маленький Ли Бэйшэн усердно мучил клавиши. С тех пор как мальчика отдали в детский сад, прошел ровно квартал. Поначалу это была непрекращающаяся война: драки с ребятами, истерики, отказы от еды и тихого часа. Сорванец умудрялся задирать девочек, сбегал со скучных занятий, чтобы залезть на дерево или покопаться в грязи, а по утрам его невозможно было поднять с постели.

Но Гоудань не пожалел денег и нанял лучшего специалиста по детской психологии. Потребовалось три месяца жесткой, но грамотной терапии, чтобы выбить из сорванца всю дурь.

Теперь Ли Бэйшэн по-прежнему оставался непоседой, но научился контролировать свои порывы и прислушиваться к замечаниям взрослых. С хулиганством в саду было покончено. На очередном приеме психолог посоветовал Гоуданю найти для мальчика развивающее хобби, чтобы направить его неуемную энергию в мирное русло.

Созвонившись с Ван Сюанем и обсудив варианты, Гоудань остановился на музыке. Поначалу он подумывал отдать мелкого на шахматы — для развития логики и терпения, но побоялся перегнуть палку и вызвать протест. В итоге выбрали классический и престижный вариант столичной элиты — фортепиано.

Наняли репетитора, который занимался с Ли Бэйшэном дважды в неделю, с уговором постепенно усложнять программу по мере его взросления. Разумеется, все расходы Гоудань взял на себя, но чеки исправно показывал отцу и мачехе. За последние месяцы Ли Сы и госпожа Яо наслушались столичных расценок и пребывали в легком шоке от сумм, уходивших на одного только ребенка.

На эти деньги в деревне можно было отгрохать шикарный каменный особняк! Отец Гоуданя сокрушался и едва ли не плакал, умоляя сына забрать документы из сада и вернуть взносы. Он без конца повторял, что в их сельской школе полугодие в начальных классах стоит от силы рублей семьдесят, а тут уходят тысячи непонятно на что.

А уж про гонорары заезжих специалистов и говорить нечего: им с госпожой Яо пришлось бы несколько лет спину гнуть без отдыха и крошки во рту, чтобы накопить подобную сумму. Он

всерьез допытывался у Гоуданя, нельзя ли оформить возврат.

Гоудань лишь развел руками: уплачено, возврату не подлежит.

После этого Ли Сы и госпожа Яо взялись за Бэйшэна со всей строгостью. Стоило мальчику заупрямиться или поленился, как на него тут же обрушивался град упреков. Ещё бы — столько денег вложено! Если оболтус не станет прилежным учеником, то получится, что семейный бюджет пустили на ветер.

Зато для Гоуданя наступили золотые деньки. Стоило Ли Бэйшэну устать от гамм и попытаться увильнуть к собакам, как на пороге коршуном вырастала госпожа Яо. Теперь они с Ли Сы караулили сына по очереди. Из-за баснословной стоимости уроков они следили за часами с точностью до секунды, панически боясь, что учитель закончит занятие хоть на мгновение раньше и их деньги пропадут зря.

Пока у маленького Ли Бэйшэна шла несладкая жизнь под строгим надзором, Гоудань наконец-то вздохнул с облегчением.

<http://bllate.org/book/19654/1996877>